ПЯТЬ ВЕЧЕРОВ

В пору моей юности, в семидесятые годы, театральных киосков на улице Горького было много. Вечером они мерцали таинственным голубым светом и столько всего обещали... Конечно, те билеты, которые висели лишь приносили же да люди, уверенные, что на хороший спектакль не попасть. Но можно было дождаться, когда разойдется народ, и, просунув нос в маленькое окошко, интимным шепотом спросить: «А нет-нет-нибудь есть?» Кассирша могла, конечно, злорадно усмехнуться: ишь, мол, чего захотели! Но чаще всего откуда-то выпархивали вожделенные билеты! Однако не сладишься, что после этого оставалось у моего студенческом кошельке: переплачивать-то приходилось минимум вдвое...

И вот я снова иду... теперь уже по Тверской. Театральных киосков стало меньше, и те какие-то то понурые: никто возле них не толпится, кассирши скучают и ловят взгляд каждого прохожего. А на витрине (Боже, такое не могло даже приснуться!) билеты и на спектакли Любимова, и в «Сатиру», и в «Современник». Их купить можно и по доступной цене, и без интимного шепота!.. Так же потрясающе было когда-то увидеть стихи Ахматовой опубликованными. Те самые, которые мы переписывали от руки из тетрадки в тетрадку,— вот они, в книге! Но если это рождало гордость: дожили наконец-то до такой счастливой поры,— то билеты во все театры вызывают растерянность: они есть и никому не нужны...

Конечно, и сейчас в Москве идут спектакли, на которые трудно попасть, даже заплатив астрономическую сумму. И все-таки во многих залах становится все больше свободных мест. Но вот что удивительно: несмотря на это, ни один театр не закрылся. Более того, открываются новые. Не самодеятельные — полноценные профессиональные театры. Сколько их сейчас в Москве? Точно сказать, наверное, не может никто. Что же за люди тут ходят? На какие деньги живут эти театры? Чем дышат? На эти вопросы хотелось получить ответ. Из афиши «Театрально-концертная Москва» я выписала названия нескольких новых театров и пошла по их адресам.

ВЕЧЕР ПЕРВЫЙ *Культура — 1993 — 7 авг. — с. 5*

ТРОЯНСКИЕ КОНИ ЧИХАЧЕВА

Этот коллектив носит имя своего режиссера — Театр под руководством Чихачева. Так же называется остановка автобуса. Театр этот находится в отдаленном районе в Выхине. Прежде в Доме культуры Булочно-кондитерской фабрики, и тому же имеет территорию: вход через железную вертушку, мимо вахтера в «стакане». Какие же пьесы надо ставить, чтобы зрители пришли сюда? Смотрю на афиш: «Интердевочка», «Анжелика» — маркиза ангелов».

«Зритель ждет на название. О, «Интердевочка», похождения валютной проститутки, там, наверное, такое покажут! И первые семь минут мы не обманываем ожидания. У нас в начале есть сцена, где разгоряченная жрица любви срывает с себя блузку. И вот теперь, когда зритель в нашей власти, мы показываем, что такое «верхушка жизни»,— говорит Чихачев.

«Интердевочка» идет уже несколько лет. И все время с аншлагом, потому что, кроме «Анжелики» — яркие костюмы, пышные декорации, красивые актрисы, поэтому пьеса — зрелищная, «не нашей» жизни... «У нас задача — во что бы то ни стало привлечь людей к театру,— продолжает Геннадий Александрович.— Как-то мы поставили, на мой взгляд, хороший поэтический спектакль «Покой нам только снится». И что же? Публика не было. Мало кто о чем я мечтают! Например, поставить одну редко идущую пьесу Шекспира. Но в нашем районе мы будем играть в пустом зале».

Чихачев заманивает зрителя как только умеет. Человек может не любить театр, не ходить туда, но сводить хоть раз своего ребенка, считает, нужно. А детские спектакли — это троянский конь. Путь известный: хочешь, чтобы к тебе ходили в театр, готовь себя зрителя, приучай его с детства смотреть спектакли. Но Чихачев делает ставку на ребят не только поэтому. Как выяснилось, показывая хорошие детские спектакли, можно заполучить зрителя прямо сегодня. Вот, как дети, сбежавшие с уроков, сказывают героям, хлопают, кричат; мамы и папы нередко решают посвятить вечерние, взрослые спектакли. Чихачев утверждает, что в ближайшем будущем до апреля он спит спокойно: проблем со зрителем нет.

ВЕЧЕР ВТОРОЙ *Культура — 1993 — 7 авг. — с. 5*

ТЕАТР ДЛЯ НЕРАЗОЧАРОВАННЫХ

Вход в зал театра «Сопричастность» — через сцену. «Это, и не сбежавшие, — поясняются пришедшие, на спектакль старшеклассники. «На дрейфы! Тут запасной выход есть!» На последних минутах влетела хорошо пожилая женщина, плюхнулась рядом со мной: «Не занято?» Оглядела «Какой прекрасный зал! Сколько тут мест — пятьдесят! Восемьдесят?» Читала, также очень популярны в Лондоне». Я улыбнулась. Надо же, я думала, только москвичи-пенсионеры, что в годы застоя ездили по всем туристическим маршрутам, смотрели все советские премьеры, читали самые последние, новые журналы, вымерли или заяви от горячего дыхания инфляции, но, может, ушли на пенсию. Ан нет, здесь они, все тут. Мы знакомимся на лице: «Хочу все знать!»

Свет в зале погас. А когда вспыхнул, по спине пробежала горячая дрожь: на сцене возвышались черные фигуры в черных, похожих на противочумные, костюмах. А, внизу на черном ковре, у ног, черный монстр в маске, отдаленно напоминающей человеческое лицо. И вот этот ток, пронзивший в первую минуту, не отпускал потом в течение всего спектакля. Шла «Отравленная туника» Н. Гумилева, и, может, из-за того, что полтора часа придется слушать довольно сложные стихи, рождала не самые комфортные чувства: это всегда непросто, всегда требовало большой душевной работы. И вдруг... Стихи, звучащие со сцены, словно вставали в ряд. Когда спектакль закончился, моя соседка-пенсионерка, вставая, воскликнула: «Как? Уже все?» А по сцене из зала шли притихшие, сосредоточенные, с душами, что готовились удрать через запасной выход.

Театр-студия «Сопричастность» руководит заслуженный артист России Игорь Сиренко, человек довольно известный. Был актером, режиссером, директором Дома молодежи. Уже год вот уже несколько лет у него своя коллектива. «Театр для неразочарованных зрителей»,— определяет Сиренко свою программу.

Мы зря думаем, что люди отстранились от высокого искусства. Кто читал серьезную литературу, кто любит слушать, сколько бы ни стояла колонка. Кто любит классическую музыку, тот пойдет в консерваторию, какие бы политики ни стояли у власти,— считает Сиренко. Недавно я был в книжном магазине. Раньше, как это бывало подписывались на Шопенгауэра, Моруа, Ремарка. Я не верил, что и сейчас это сегодня никому не нужно». Кочуров, ученый-химик, и музыка и поэзию, и музыка, и серьезные спектакли.

Сиренко заявил, ставит не только поэтические вещи. Несколько лет назад у него с успехом шла пьеса «Иосиф Сталин — трагедия вождя и народа». Сейчас полный зал собирает спектакль Чихачева «Розовые слоны» по У. Гибсону. Игорь Сиренко, кстати, не ставить «Корнелиана» и в отличие от Чихачева уверен, что зрители, прежде, чем ходить в успеха, наверное, его режиссер вправе выбирать, каким журналам можно перечитать. Созданный Людмилой Рошковой в 1974 году на базе 10 класса коллектив перешел на нелегальное положение: спектакли показывали в закоулках, в заколоченном подвале, зрителей пускали по заранее составленным спискам. И только в 1987 году «Человеки» получили официальное признание государственного. Коллектив объездил с гастролями ближнее и дальнее зарубежье, получил массу призов на фестивалях, вырастил немало известных режиссеров, артистов.

Спектаклям Людмилы Рошковой пишут рецензии статьи известные критики в солидных толстых журналах.

Однако мне, вероятно, не повезло. В тот вечер показывали спектакль «Ночь перед Рождеством» (по Диккенсу и Сиротке), опыт свободной композиции. Публика на «мерседесах», правда, не подъезжала, но голые пленки «Мосфильма» — вот, что спектакль странный — в нем не было ни единого слова. Три музыканта импровизировали на деревянных духовых, ударных инструментах и гитаре (!) и актеры старалась вообразить, что это все — об одиночестве человека в этом мире (примерно так сказано в буклете), но моей душе и жалости немного долго. Через час некоторые зрители стали покидать зал, и я душой присоединилась к ним. Однако досидела до конца и ничего, кто, кстати, остался, наградили артистов горячими, искренними аплодисментами. Что ж, вероятно, за годы существования театр вырастил своих поклонников, они понимают друг друга с полуслова. И этот язык не всегда доступен кому-то, «пришедшему с улицы».

● *Сцена из спектакля «Пиночка» театра «Человек».*

ЧОНКИН, ФРЕЙД И ПРИЗРАКИ

ВЕЧЕР ТРЕТИЙ *Культура — 1993 — 7 авг. — с. 5*

На «Необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» в театр «Лаборатория» я тоже шла с опаской. Все-таки, думала я, анекдот смешно слушать только первый раз. Оказалось, отнюдь. Театр так весело разыграл роман Войновича, что зал хохотал до слез. Не мы, шало даже то, что, как показалось, сняли, на сцене — интеллектуальные лица у актеров для такой вещи.

— Да, «Лаборатория» создавалась как театр чисто для интеллектуальный, интеллигентный, интересный. Но теперь я думаю, что спектакль должен быть прежде всего эмоционально-образным, художественный руководитель Андрей Российский.

И все-таки «Чонкин» стоит особняком в репертуаре. «Лаборатория», как правило, берет пьесы, рассчитанные на интеллектуалов, читающих Фрейда и Кафку. Сейчас в «Лаборатории» — Чихачев, Ольга Мелешина, Ирина Розанова, Ольга Ростовцева, Ирина Ковалевская, Ирина Ковалевская, Ирина Ковалевская